

ПЕРВЫЕ ШАГИ АДМИНИСТРАЦИИ ТРАМПА (дискуссия на конференции "Арбатовские чтения"-2017)

Материал поступил в редакцию 3.06.2017.

Обсуждение данной темы состоялось в рамках традиционной научной конференции "Арбатовские чтения"-2017, которая ежегодно проходит 19 мая – в день рождения основателя ИСКРАН и его первого директора (1967–1995 гг.) академика Г.А. Арбатова.*

Открыл дискуссию научный руководитель ИСКРАН академик **С.М. Рогов**:

– Наша конференция проходит очень интересно – выступления гостей заставляют задуматься, и в то же время поспорить. Я, например, на многие вещи имею свою точку зрения. А в своём выступлении я буду ставить вопросы, ответы на которые потребуют серьёзного изучения и глубокого осмысления.

Первый вопрос – в чём заключается феномен Д. Трампа? Несколько месяцев назад было популярно говорить о феномене Д. Трампа как о смене элит США. Этот тезис достаточно спорный. Является ли Д. Трамп предвестником новой эпохи политического и экономического развития США или это некий случайный эпизод, который в ближайшие месяцы станет достоянием истории? Я не отважусь делать предсказания, но несомненно то обстоятельство, что Д. Трамп, будучи плотью от плоти и кровью от крови американского истеблишмента, принят в штывки этим истеблишментом. И хотя он смог и в ходе праймериз, и в ходе президентских выборов, несмотря на сопротивление истеблишмента, одержать победу, война против Д. Трампа продолжается. На мой взгляд, она носит беспрецедентный характер. Я помню эпоху "Уотергейта" и как республиканцы ненавидели Б. Клинтона, и как демократы ненавидели Дж. Буша-младшего, и ненависть к Б. Обаме. Но то, что сейчас происходит в отношении Д. Трампа, действительно беспрецедентно: ежедневно СМИ выплёскивают в его адрес огромное количество грязи. И когда про президента США заявляется, что он "марионетка Путина" и он стоит у него на содержании... сломается ли Д. Трамп или действительно будет происходить смена элит?

Второй вопрос – что происходит с американскими политическими партиями? Мы сейчас видим, что в ряде западных стран происходит кризис партийной системы. Например, во Франции завершились выборы – где основные партии? Лейбористы в Великобритании, вероятно, проиграют выборы. И, казалось, ещё год назад в США демократы и республиканцы должны были консолидироваться. Демократы – это леволиберальная, в чем-то даже социал-демократическая партия без посторонних примесей, республиканцы – правая

* См. "США ❖ Канада", 2017, № 8, с. 5–26. – *Ред.*

консервативная. Сегодня у них общая платформа: у либералов – ненависть к Д. Трампу, у республиканцев – ненависть к Д. Трампу. Больше ничего. Никакой программы у демократов нет. Дедушка Б. Сандерс начинает что-то предпринимать насчёт 2020 г., когда ему будет 79 лет. Это похоже на демографический сдвиг, когда в Америке не осталось кандидатов моложе 70 лет. Сохранятся ли демократы и республиканцы в том виде, в котором они когда-то существовали или начнётся перегруппировка? Если Демократическая партия всё-таки выйдет из этого оцепенения и попытается проанализировать, почему она потеряла свою базу и проиграла выборы, и если республиканцы всё-таки отвергнут своего собственного президента? Мы имеем пример "Уотергейта" с Никсоном, но тут совершенно другая ситуация.

Следующий вопрос: экономические реформы Д. Трампа, которые во многом отвечают классическим консервативным республиканским взглядам – сокращение государственных расходов. Пока нет никаких признаков, чтобы Д. Трамп покушался на *social security* – растущие "Медикэр" и "Медикейд". По сравнению с ними "Обамакэр" – очень незначительная программа. И если Д. Трамп не пойдёт на сокращение социальных расходов, как обычно это делали республиканцы, и одновременно сократит налоги, что в принципе возможно при сегодняшних настроениях в Конгрессе, то что будет с бюджетным дефицитом? Тем более, что Д. Трамп, как и положено республиканцам, делает ставку на увеличение военных расходов.

Но пока из этого мало что получается, поскольку дополнительные ассигнования на нынешний финансовый год – 15 млрд – это чуть больше 2% прежнего военного бюджета Обамы. Не скачок, а мелкий шаг. Сегодня транслируются сообщения о намерениях Д. Трампа увеличить на 60 млрд долл. военный бюджет будущего года. Получится? Как-то сомнительно. Кто возобладает в Республиканской партии – бюджетные или военные "ястребы"? Мне кажется, что в Республиканской партии возобладает первые и идти на резкое увеличение дефицита госбюджета республиканцы вряд ли захотят. Тем более, что демократы будут стоять насмерть, чтобы привязать к увеличению военных расходов социальные расходы. Как это всё может отразиться на отношениях Конгресса и Белого дома – большой вопрос.

Пока республиканцы проявляют большую лояльность к своему президенту, хотя на самом деле они считают, что он "чужой среди своих", и появились первые голоса, свидетельствующие о небеспредельности этой лояльности.

Отсюда следующий вопрос – российско-американские отношения и позиция Конгресса. В истории были разные периоды. Был период, когда в Конгрессе в конце вьетнамской войны возобладали антивоенные настроения, принимался закон "Об антивоенных полномочиях", преобладали настроения в пользу поддержки контроля над вооружениями, и неслучайно Рейгану не удалось "сломать" Договор по ПРО. Сегодня это не так. Демократическая партия сегодня – мягкая оппозиция увеличению военных расходов, но не решительное противостояние. Тем не менее, демократы, стараясь заблокировать любые шаги Д. Трампа, привели ситуацию в Конгрессе к фактической отмене "флибустьерства". А это – очень важный фактор в американской политической жизни, в системе "сдержек и противовесов", хотя всё-таки какие-то элементы остаются.

Но если оно будет полностью отменено, может возникнуть ситуация диктата одной партии, чего американская система не допускала. К чему может привести контроль одной партии в исполнительной, законодательной и судебной власти?

Позиция Конгресса по России. Практически любой законопроект, направленный против России, может получить сегодня 100%-ую поддержку. Это касается санкций против России, а также против Ирана и Северной Кореи. Все эти инициативы идут на ура. В.В. Путин назвал это "политической шизофренией", когда абсолютно нормальные встречи – с российским послом или с российским министром иностранных дел вызывают совершенно фантастическую реакцию у членов Конгресса. Многие из них – вполне реалистично настроенные люди, но, тем не менее, бьются в истерике.

И тут возникает интересный вопрос – всё это связано с негативным отношением к России или же ненависть к Д. Трампу ведёт к использованию России в качестве эффективной "дубинки"? Ф.Г. Войтоловский затрагивал в своём выступлении вопрос о том, что на данный момент на американской политической арене нет таких групп и группировок, которые бы выступали за нормализацию отношений с Россией. По существу, в поддержку заявлений Д. Трампа о том, что он намеривается наладить отношения с Россией, которые, правда, не подкреплялись делами, никто не выступает. Никакого лоббизма со стороны американского делового сообщества в пользу отказа от российских санкций не было. Хотя ещё три года назад некоторые представители выступали против принятия этих санкций. Тогда эти выступления не предотвратили голосования в Конгрессе. На мой взгляд, лучший пример: Р. Тиллерсон, который был против санкций, орденосец наш славный, а сегодня его позиция абсолютно не имеет того звучания. И существует очень серьёзный "накат" на Россию в военно-политической сфере. Федор Генрихович (Войтоловский. – *Ред.*) говорил о том, что на американских военных произвели впечатление эффективность действия российских вооружённых сил и спецназа. Это означает, что американцы выступают за возобновление военных связей с Россией или используют это, чтобы урвать из бюджета кусок побольше? Ответ очевиден. Причём отсутствие настоящих военных связей – это ситуация крайне опасная, о чем говорил А.Г. Арбатов**.

Контроль над вооружениями. Алексей Георгиевич (Арбатов. – *Ред.*) в своём выступлении упоминал, что, как правило, инициативы были американскими. Действительно, миролюбивые инициативы СССР, носили общий и даже туманный характер, переговоры начинались на базе американских конкретных предложений. Однако контроль над вооружениями стал возможным не только благодаря созданию Института США и Канады в 1967 г., а потому что был достигнут стратегический ядерный паритет. И обращает на себя внимание тот факт, что даже сейчас против Договора СНВ серьёзной кампании нет.

* Ф.Г. Войтоловский – и.о. директора ИМЭМО РАН, выступал на первом заседании Конференции. См. "США ❖ Канада", 2017, № 8, с. 19–22. – *Ред.*

** Академик А.Г. Арбатов также выступал на первом заседании // Там же, с. 14–19. – *Ред.*

Однако полностью отсутствует желание со стороны Соединённых Штатов вести переговоры по неядерным вооружениям, в которых они обладают колоссальным превосходством. Это, в первую очередь, высокоточные вооружения, противоракетная оборона, это космос. Ну, и киберобласть: помните заявление Обамы, когда он в октябре прошлого года сказал, что США обладают абсолютным превосходством в кибероборонительной и кибернаступательной сферах? И вот это очень серьёзная дилемма.

Я сторонник новых соглашений о дальнейшем сокращении ядерных вооружений, хотя ясно, что мы приближаемся к нижнему лимиту. Обычно говорят о "потолках", а мы приближаемся к "полу", ниже которого будет очень сложно сокращаться. Мы с коллегами во время обсуждений пришли к выводу, что можно было бы вполне до 1000 боеголовок сократиться, а вот дальше возникают трудности.

Теперь о стратегическом значении неядерных вооружений, если считать за стратегическими вооружениями не масштаб наносимых ими разрушений и количество убитых людей, а поражение стратегических целей: военных и экономических. Сегодня эти вооружения могут поражать, уничтожать или, по крайней мере, выводить из строя или нейтрализовывать большинство стратегических целей, которые раньше можно было поразить с помощью ядерного оружия. Плюс ещё интеграция вооружений с кибервооружениями, когда сегодня стратегический удар планируется не только в виде запуска ракет и авиационных бомб, а ещё с помощью киберсредств для вывода из строя центров политического и боевого командования. Формально ничего не разрушено. Но при этом ничего и не работает.

Отсюда возникает следующий вывод. Если Д. Трамп начнёт переговоры с Россией, это вызовет дикую истерику и со стороны республиканцев и демократов, и со стороны Конгресса, и со стороны СМИ. Возможны ли новые переговоры с американцами в этой сфере? В этом смысле прав Алексей Георгиевич – никаких американских инициатив нам ожидать не стоит. Из этого следует, что сегодня многие наши внешнеполитические позиции, особенно в сфере контроля над вооружениями, вызывают большое сомнение.

Но возьмём космические вооружения. Позиция наша – запретить милитаризацию космоса – очень красивая, но абсолютно безнадёжная. Как это сделать? Тем более, что космическое пространство уже используется в военных целях: спутники-разведчики существуют более 60 лет. Кибероружие? Вообще не понятно, как его можно сокращать и ограничивать.

Высокоточные вооружения. Можем ли мы себе представить, чтобы было достигнуто соглашение по установлению "потолка" в 2000 крылатых ракет? Абсолютно исключено. Хотя 30 лет назад были потолки для крылатых ракет воздушного базирования.

Мы ведём себя крайне инертно и пассивно, когда начинается пропагандистская кампания по нарушению наших обязательств, и особенно это связано с Договором по РСМД. Надо сказать, что американская позиция довольно гнусная – они не "выкладывают на стол" своих фактов, которые свидетельствовали бы о нарушении Россией этого договора, о том, что мы действительно испытали и действительно развёртываем ракеты средней дальности. Серьёзные

переговоры на этом основании вести тяжело. Но дело в том, что обвинения в российский адрес воспринимаются американской политической элитой, американским политическим сознанием как доказанный факт, как истина. Причём это касается не только американской элиты, но и европейский.

Здесь можно посмотреть на *pattern*, на то как быть с обвинениями в том, что российские государственные органы взломали сервер Демократической партии США? Мы говорим, что мы не при чём. Реальных доказательств не приводится. Но в США это воспринимается как факт. Даже трезвомыслящие, не настроенные против России специалисты и эксперты, которые выступают за прекращение конфронтации, этот хакинг (*hacking*) воспринимают как факт. Так вот, с хакингом, с нарушением Договора по РСМД, с химическими атаками в Сирии – всё это воспринимается на Западе как доказанный факт. А мы гордо говорим, что мы не при чём. Чтобы переломить ситуацию, надо брать инициативу в свои руки. Это сложно, потому что инициативу брать легко, когда говоришь с позиции силы. Единственная сфера, где мы равны с американцами, – это ядерные вооружения. Но тут мы не очень хотим проявлять инициативу, поскольку мы взамен требуем готовность от американцев вести диалог о неядерных вооружениях. А пока мы не смогли придумать, каким образом увязать одно с другим.

Заканчивая, хочу сказать, что у меня нет оптимизма относительно перспектив российско-американских отношений. Нужно ещё учитывать ситуацию в Донбасе, Сирии или в Северной Корее. Но есть и третьи факторы, которые не зависят ни от нас, ни от американцев, но которые могут создать ситуацию, чреватую российско-американским столкновением. И если будет предпринята попытка отстранить Д. Трампа от власти, то главным обвинением в его адрес будут российские связи. В этой ситуации новый хозяин Белого дома разве сделает шаг в сторону России? Я могу ошибаться, но когда в США нет ни политических сил, ни желания нормализовать отношения с Россией, а мы занимаем пассивную позицию, то как может начаться сближение? Я пока не знаю. Как разорвать этот порочный круг? Могу предположить, что Д. Трампу нужна видимая уступка со стороны России. Но с какой стати мы будем делать такую уступку? И тут нужно придумать что-то такое, что было бы выгодно на самом деле нам, но что можно было бы "продать" Д. Трампу как нашу уступку.

Руководитель Центра внутривнутриполитических исследований ИСКРАН доктор политических наук **Н.М. Травкина** проанализировала внутривнутриполитические приоритеты новой республиканской администрации, предложив в начале своего выступления следующую максиму: если одним словом сформулировать главный приоритет администрации Трампа, то это – "выживание".

По существу, администрация до сих пор не может начать работать в полную силу. На ряде направлений штат не укомплектован. Происходят постоянные утечки внутренней информации и инициирование расследований. Слово "импичмент" стало звучать из уст официальных лиц. Политические перспективы новой республиканской администрации не ясны. Также вызывают вопросы цели, задачи, основные векторы внутренней и внешней политики администрации Трампа.

Наиболее чёткий показатель намерений администрации – проект федерального бюджета на очередной финансовый год, который к третьей декаде мая всё ещё не представлен в Конгресс. В апреле администрация обнародовала наметки своей программы по сокращению налоговой нагрузки на американскую экономику.

Независимые оценки американских аналитиков дефицитообразующей составляющей налоговой реформы Трампа на ближайшие десять лет колеблются в пределах от 3 до 7,5 трлн долл. или в усреднённом варианте 5,5 трлн долл., что в случае её реализации повысит ежегодный уровень дефицита до 1 трлн долл. (580 млрд + 550 млрд). Компенсация от предполагаемого в этом случае экономического роста, если и произойдёт, то произойдёт далеко не сразу. При этом у Трампа катастрофически мала внутривнутриполитическая поддержка – от 42 до 38%, которая продолжает падать.

В середине марта был представлен черновой вариант бюджета, в котором в качестве двух приоритетных статей увеличения бюджетных расходов администрация наметила рост военных расходов и на обеспечение национальной безопасности – в совокупности на 60 млрд долл. Средства для этого увеличения администрация предполагает получить исключительно за счёт симметричного сокращения расходов на социальные программы – здравоохранение, образование, жилищное строительство, помощь беднейшим слоям населения и сельскому хозяйству.

Очевидно, что это только начало, поскольку администрация заявила, что её главным приоритетом является рост военных расходов, и именно в этом направлении она лоббировала Конгресс. ВПК является политической базой республиканцев и президента Трампа. В этой ситуации можно ожидать, что уже в ближайшее время США начнут пересмотр своей концепции использования военной силы. Это означает использование возросшей военной мощи для шантажа как своих союзников (требование увеличить военные расходы до 2% ВВП), так и геополитических противников.

Применительно к российско-американским отношениям это означает ревитализацию прежних моделей экономического изматывания России в очередной спирали гонки вооружений. И важной составляющей может стать слом всей системы контроля над вооружениями в том виде, в котором он оформился и функционировал с начала 1970-х годов.

Заместитель директора ИСКРАН доктор экономических наук **В.Б. Супян** подчеркнул, что экономическая политика Д. Трампа играет важную роль в экономическом развитии США, но её значение не следует переоценивать. Есть базовые факторы модели американской экономики, определяющие состояние и перспективы её развития. Опыт показывает, что независимо от вектора экономической политики, Республиканской партии или Демократической, именно та модель, в основе которой лежат частная собственность, конкуренция, высококоразвитое предпринимательство и сильная трудовая этика, определяют экономическое развитие и его перспективы.

Предлагаемая Трампом экономическая программа, несмотря на отсутствие в ней целостности и единого концептуального подхода, может быть условно разделена на два направления.

Первое в основном зиждется на традиционных для Республиканской партии неолиберальных подходах. Оно включает значительное снижение налогов: с 35% до 15% для корпораций, на треть в среднем для индивидуальных налогоплательщиков. Намечается большая регулятивная реформа, предполагающая отмену тысяч различных запретов и ограничений для бизнеса, сокращение штата министерств и их финансирования, отмену разного рода ограничений, прежде всего экологических в сфере нефте- и газодобычи.

Ещё одна важная инициатива в рамках этого направления – масштабная модернизация инфраструктуры. На эти цели планируется израсходовать 100 млрд долл. в течение десяти лет. Главный вопрос: как совместить сокращение налогов, т.е. ожидаемое снижение доходной базы бюджета и масштабные государственные расходы?

Второе ключевое направление реформ Трампа – это курс на протекционизм, уменьшение импорта, возвращение рабочих мест в США, сокращение иммиграции. Эти программы не представляются реалистичными. Глобализация экономики обусловлена международным разделением труда, стремлением капитала к минимизации прибыли, а также научно-техническим прогрессом. Есть большие сомнения, что Трампу удастся реализовать свои антиглобалистские идеи.

Можно предположить, что объективная реальность приведёт к частичному, а может быть, и заметному отказу Трампа от своих экономических планов. Это, однако, не обязательно приведёт к полной интеграции Трампа в современный политический истеблишмент США.

Заведующая сектором внешней и внутренней политики США ИМЭМО РАН кандидат политических наук **В.Ю. Журавлева** определила основную характеристику текущего состояния политической системы, с которым сталкивается формально доминирующий президент, как "утолщение" институциональной структуры американской власти. Бюрократическая структура США стала неповоротливой и тяжеловесной, превратившись в самодостаточный элемент политической системы. Она живёт по своей логике и в своём ритме, не совпадающем с электоральными циклами.

Выборы всё меньше влияют на устойчивые структуры власти, в том числе и в смысле кадровых обновлений уровней среднего звена. Президент приносит с собой новую повестку дня, но осуществить свои планы ему всё сложнее, поскольку ему неизменно оказывает сопротивление бюрократия, не способная чутко реагировать на новые требования жизни. За исключением своей верхушки, бюрократический аппарат меняется очень медленно. Бюрократическая структура продолжает усложняться также за счёт разрастания всевозможных групп интересов, борющихся за внимание президента и Конгресса. В Вашингтоне действуют тысячи лоббистских групп. Эти группы обеспечивают законодателям финансирование и голоса избирателей, а также предлагают различные политические программы. В итоге, сегодня президент вынужден работать в "плотной" многосоставной политической среде, которая довольно сильно сковывает его действия, снижая эффективность попыток конкурировать с Конгрессом.

Ослабление партийного влияния в электоральной сфере при усилении бюрократических структур и партийной радикализации фактически превратило президента в заложника массовых настроений: сегодня он должен апеллировать непосредственно к избирателю, с одной стороны, опасаясь оказаться быть раздавленным машиной институциональной бюрократии, а с другой стороны, стремясь преодолеть идейный раскол общества.

Однако активное вовлечение в политический процесс избирателя, как свидетельствует опыт Б. Обамы, имеет свои негативные последствия, такие как "груз надежд" и "популяризация" программы. Опыт действующего американского президента показывает завышенные ожидания всегда чреваты разочарованием. Что бы не предпринял тот, кто находится под их грузом, этого будет всегда недостаточно. А Конгресс не замедлит этим воспользоваться в собственных интересах.

Трампа стал олицетворением протеста общества против неэффективности федерального правительства, против лицемерия политиков и бюрократизированности системы, против несправедливости социально-экономической системы. Однако победа Трампа ещё больше расколола американское общество. Вместе с толпами ликующего электората победителя на улицы после выборов вышли те, для кого новый президент выражает чуждый им мир расовой, этнической, сексуальной и гендерной нетерпимости, социальной безответственности государства и надвигающейся экологической катастрофы. Для них на повестке выборов была не борьба с истеблишментом, а борьба за ценности, которую они намерены продолжить и дальше, судя по не прекращающимся уличным протестам.

Зато фигура Трампа объединила истеблишмент, который намерен противостоять всеми силами его попыткам изменить "правила игры" и "осушить болото Вашингтона". Для двухпартийного истеблишмента и всей федеральной бюрократии Трамп – это вызов их спокойному существованию, вызов преемственности и политическим традициям. С момента его избрания идейная война демократов и республиканцев ушла на второй план. Теперь они воюют на одной стороне, и в этой войне все средства хороши.

Пока Трамп не намерен отступать от того списка обещаний, с которым его избрали. Список не такой большой, но амбициозный. Большинство пунктов этого списка сформулированы вполне в рамках традиционной республиканской повестки: жесткая миграционная политика; сокращение налогов; увеличение расходов на оборону; отмена проведённой Обамой законодательной реформы; отмена запрета на разработку нефтяных месторождений на природоохраненных территориях; отмена федерального регулирования начального и среднего образования.

С другой стороны, есть в повестке дня президента и необычные для республиканцев предложения. Например, он предлагает не просто сохранить все федеральные социальные программы, но и добавить новые, в частности выплачивать пособие по уходу за ребенком и увеличить гарантированный декретный отпуск, ввести школьные ваучеры для малообеспеченных семей и гарантировать доступное здравоохранение для всех. Эти инициативы явно направлены на электорат Демократической партии, который не доволен новым

президентом, и на обеспечение поддержки демократического меньшинства в Конгрессе, которая ему пригодится в случае обострения отношений со своей партией.

Однако реализация этой реформаторской повестки нового президента возможна только в сотрудничестве с республиканским Конгрессом, который, с одной стороны, заинтересован в том, чтобы предоставить электорату реальные достижения своей деятельности, а с другой стороны, совсем не настроен работать на улучшение имиджа президента-аутсайдера. Сможет ли бизнесмен договориться с политиками и сохранить внесистемный взгляд на накопившиеся проблемы или ему надо будет стать частью этой системы и отказаться от идеи её трансформации во имя хотя бы частичной реализации своей повестки?

Заместитель директора ИСКРАН, кандидат технических наук
П.С. Золотарёв:

– Учитывая время и длинный список выступающих, буду предельно краток. Несколько тезисов.

Первое. Политика сдерживания России со стороны США продолжится. Напомню, что по отношению к СССР политика сдерживания состояла из трёх основных компонентов: борьба за сферы влияния, ядерное сдерживание и информационное противоборство. После 1992 г. в течение нескольких лет оставалось только ядерное сдерживание. С принятием Соединёнными Штатами решения о расширении НАТО началось возрождение борьбы за сферы влияния. После мюнхенской речи президента России в 2007 г. началось активное информационное противоборство. Сегодня все три компонента сдерживания СССР активизировались по отношению к России.

Второе. Как и в период холодной войны, единственная область возможного заинтересованного со стороны США сотрудничества с Россией ограничивается сферой контроля над ядерными вооружениями. Однако в реальности можно рассчитывать в ближайшей перспективе даже в этой сфере лишь на решение двух основных вопросов – продление действующего Договора СНВ-3 и урегулирование разногласий с возможной корректировкой Договора о РСМД. С учётом развития новых средств поражения глобальной дальности и ряда новых факторов маловероятно и, на мой взгляд, нецелесообразно двигаться по пути дальнейших сокращений ядерных вооружений.

Отнюдь не далёкое будущее связано с труднопредсказуемыми последствиями переходного периода человечества как единой саморазвивающейся системы в качественно новое состояние. Ядерное оружие доказало свою эффективную сдерживающую роль. В условиях грядущих сложных переходных процессов в развитии человечества в обозримой перспективе лучше двигаться не по пути сокращения ядерных вооружений, а по пути снижения рисков его применения.

Сергей Михайлович Рогов давно выдвигал идею перехода от состояния "взаимного гарантированного уничтожения" к состоянию "взаимной гарантированной безопасности". Комплекс мер по снижению рисков применения ядерного оружия как раз и может стать наполнением этой идеи. Кроме того, такой подход открывает перспективу многостороннего формата переговоров по ядерным вооружениям. Традиционный подход, основанный на стратегической ста-

бильности с акцентом на взаимное гарантированное уничтожение, не может быть основой для многосторонних переговоров по ядерным вооружениям и не даёт оснований для дальнейших существенных шагов в двустороннем российско-американском формате.

Третье. Борьба с ИГИЛ относится к сфере общих интересов России и Соединённых Штатов, но считаю, что в данной области оснований для оптимизма нет. Для США в регионе Ближнего Востока главный интерес – поддержание баланса сил, который они сами нарушили вторжением в Ирак в 2003 г. Для США – главное не допустить роста влияния Ирана. Наши действия в Сирии ведут на повышение роли Ирана в регионе. Этот фактор, на мой взгляд, будет главным ограничителем сотрудничества с Соединёнными Штатами в борьбе с ИГИЛ. Не исключено, что со стороны США могут последовать действия, сдерживающие активность России в регионе. С такой ситуацией Советский Союз сталкивался в Афганистане.

Четвёртое. По проблеме кибербезопасности. Российские инициативы в данный момент сосредоточены на принятии мер по определению хакерства как международного преступления. Идея правильная, но её реализация крайне маловероятна. Спецслужбы уже стали использовать хакеров в своих целях и им такие нормы международного права не нужны. В целом США лидируют в информационном пространстве и традиционно в таких ситуациях стараются избегать принятия любых ограничительных мер в сфере своего превосходства. В то же время, принять некий кодекс поведения, накладывающий ни к чему не обязывающие моральные обязательства, вполне реально. Но, увы, не более.

Пятое. В информационном пространстве Россия вместе с Китаем выступает с инициативой регулирования в глобальной сети интернета, выходящего за национальные рамки Соединённых Штатов. В свою очередь, США пытаются аргументировать свой отказ от подобного регулирования необходимостью свободы в информационном пространстве. В данном случае ещё меньше шансов на достижение каких-либо договорённостей, даже на уровне кодекса поведения. Противоборство в межгосударственных отношениях всё больше переносится в информационное пространство. Поэтому нереально, хотя и необходимо, продолжать попытки введения механизма международного регулирования в глобальной сети интернета. Поэтому необходимо не только быть в готовности отражать атаки лжи и дезинформации, но и владеть методами превентивных атак.

Шестое. В космосе конкурентная напряжённость будет нарастать. Этап милитаризации в космосе, как уже отмечалось в выступлениях, давно состоялся. Космос нашпигован космическими аппаратами военного назначения. Важно предотвратить "вэйпонизацию" космоса – появления там оружия. Соединённые Штаты понимают опасность этого процесса. Начинать можно с кодекса поведения в космосе. Это реально. Но хотел бы обратить внимание на следующую проблему. Количество космического мусора продолжает расти, создавая реальные угрозы, в том числе космическим аппаратам, задействованным в контуре боевого управления ядерным оружием. Это уже очень опасно своими последствиями в условиях взаимного ядерного сдерживания и напряжённых межгосударственных отношений. Более того, на низких орбитах, с учётом наращивания не только объёмов мусора, но и малогабаритных косми-

ческих аппаратов, приближается момент начала лавинообразного процесса появления космического мусора, способного сделать эти орбиты малоприспособными для использования. Всё это актуализирует проблему разработки технологий "уборки" космического мусора. Но такие технологии не только непосильны для реализации одним государством, но и являются технологиями двойного назначения. Можно убрать мусор, а можно убрать и космический аппарат противника. Не случайно, появление в российской прессе всего лишь идеи уборки мусора с использованием космического аппарата с ионным двигателем привело к высказыванию командующего СТРАТКОМ, о возможных планах России по созданию оружия в космосе.

В заключение ещё раз подчеркну, что с Трампом или без Трампа, но политика сдерживания России продолжится. Но, если не состоится "майдана" в Вашингтоне, кое-что всё-таки можно будет сделать.

Руководитель Центра прикладных исследований Института кандидат политических наук **П.А. Шариков** высказался своё мнение на проблемы кибербезопасности в США, в связи с последними данными о российском информационном вмешательстве в американские выборы. Он напомнил, что в августе 2016 г. во время проведения съезда Демократической партией в Филадельфии, известный сайт "Викиликс" опубликовал 20 тыс. писем с перепиской членов Демократического комитета. В них содержалась информация о том, что планировалась дискредитация Б. Сандерса, который был серьезным конкурентом Х. Клинтон. Впоследствии было предано гласности ещё 20 тыс. писем. Этот эпизод нанёс один из мощнейших ударов по Х. Клинтон, стоивший ей поражения в выборах. Моментально демократы обвинили русских, и в рядах республиканцев также развернулась мощнейшая русофобская волна.

Ненадолго тема "русского следа" отошла на второй план, но вернулась с новой силой после проведения голосования 8 ноября. Кампания, использующая карту "русского следа" продолжается и по сей день и набирает обороты. Её аргументация является основным инструментом давления на Д. Трампа. Её используют и со стороны демократов, и со стороны республиканцев, затаивших обиду, в частности со стороны Джона Маккейна. Удивительно, что эту карту используют и сторонники Д. Трампа, такие как, например, Р. Тиллерсон, который упомянул о взломе сервера российскими хакерами в ходе своего визита в Москву весной этого года.

В январе 2017 г. был опубликован доклад о "русском следе", подготовленный по указанию Б. Обамы, в котором говорилось, что вмешательство в выборы состояло из двух эпизодов: взлом паролей Демократической партии и медийная протрамповская кампания, т.е. пропаганда.

Про второй эпизод в докладе очень много данных, подкреплённых скриншотами "*Russia today*", агентства "Спутник", цитатами Дмитрия Кисилёва и т.п. Отрицать то, что Х. Клинтон изображалась в плохом свете, а Д. Трамп в хорошем, нельзя. Действительно, в Москве на федеральных каналах это чувствовалось очень сильно. Странно полагать, что в условиях американского медиарынка одно или два СМИ могли повлиять на американского избирателя.

Что касается первого эпизода, то в докладе была только ссылка, на бесспорность и секретность этих данных. И при возникновении очередного обсу-

ждения возникало ощущение, что вот сейчас будут расставлены все точки над "i" и найдётся окончательное объяснения произошедшего, однако этого не происходит.

В первой половине 2017 г. состоялись несколько слушаний в Конгрессе США в рамках проводимого расследования. 20 марта было, пожалуй наиболее интересное, в котором Адам Шиф, демократ, заместитель председателя Комитета по разведке Палаты представителей в своей речи, кажется, дал больше информации, чем располагал даже директор ФБР. В частности, было заявлено следующее. В июле 2016 г., ещё до публикации архива "Викиликс", Картер Пейдж, один из помощников Трампа по вопросам внешней политики, на пике предвыборной кампании приехал в Москву, где в своём выступлении в Российской экономической школе критически высказывался о США и западных странах. Но, ссылаясь на бывшего сотрудника британской разведки Кристофера Стила, которого высоко ценят в американских разведывательных кругах, Шиф утверждал, что Картер Пейдж также провёл секретную встречу с И. Сечиным, председателем "Роснефти". Сообщалось, что И. Сечин – бывший агент КГБ и один из ближайших друзей В.В. Путина. Согласно российским источникам Стила, Пейджу предлагались проценты от сделки, составляющей 19% акций компании. Позднее, агентство Рейтер сообщило о продаже 19,5% акций Роснефти неизвестному покупателю.

Согласно этим источникам, членам предвыборной кампании Д. Трампа были предложены документы, содержащие компромат на Х. Клинтон, которые впоследствии планировалось опубликовать через третьи организации типа "Викиликс", позволяющие гарантировать отсутствие непосредственной связи с российским правительством. В обмен на публикацию компромата, администрация Трампа должна была уменьшить критику России в связи с вторжением на Украину и сконцентрироваться на критике НАТО.

В середине июля 2016 г. Пол Манафорт, менеджер предвыборной кампании Д. Трампа, а также оказывавший платные услуги пророссийским политикам на Украине, посетил съезд Республиканской партии. В этом же мероприятии участвовал и Картер Пейдж. Согласно Стилу, именно П. Манафорт предложил К. Пейджа в качестве посредника между предвыборным штабом Д. Трампа и Россией.

Непосредственно перед началом съезда платформа Республиканской партии была изменена. Из неё были удалены положения о предоставлении летального оружия Украине. П. Манафорт категорически отрицает своё участие в изменении платформы, но республиканские делегаты, которые разрабатывали положение о поставке оборонительных вооружений Украине, утверждают, что эти положения были удалены по настойчивым просьбам членов предвыборного штаба Д. Трампа.

Посол РФ в США С.И. Кисляк также присутствовал на этом съезде, где встречался с К. Пейджем и с помощниками Трампа Дж. Гордоном и Валидом Фейрсом. Именно Дж. Гордон одобрил поездку К. Пейджа в Москву. С.И. Кисляк также встречался с Джеффом Сешнсом, членом предвыборного штаба Д. Трампа, а ныне генеральным прокурором. Дж. Сешнс позднее, во время слушаний по утверждению в должности, опроверг факт встречи.

Позднее в июле, после съезда, хакер, представлявшийся под ником Гучифер-2.0 берёт на себя ответственность за утечку. Лидирующие частные компании, оказывающие услуги в сфере киберразведки *Crowdstrike*, *Mandiant* и *ThreatConnect*, заявляют с высокой степенью уверенности, что взлом был осуществлен АРТ-28 и АРТ-29 (кодовое обозначение объекта, представляющего угрозу национальной безопасности; дословный перевод: целенаправленная устойчивая угроза), ассоциация которых с российскими специальными службами известна уже давно. Роджер Стоун, один из стратегических помощников Д. Трампа, утверждает, что имел разговор с Джулианом Ассанджем, и заявил о предстоящей очередной утечке, которая действительно произошла несколькими днями позже. Позднее, в августе, он заявляет о предстоящей утечке архивов переписки Джона Подесты (руководителя кампании Клинтон). "Викиликс" начали ежедневно публиковать утечки с почты Джона Подесты.

Учитывая, что доказательства столь серьёзных обвинений представлены не были, стало очевидно, что фактор "русского следа" останется в американской внутренней политике для давления на президента Д. Трампа, однако вряд ли завершится импичментом, по крайней мере в ближайшее время. Кроме того, эта тема окончательно потеряла связь с проблематикой двусторонних отношений. П.А. Шариков полагает, что двусторонним отношениям нанесен непоправимый ущерб, и перспективы их улучшения крайне туманные.

Директор ИСКРАН доктор исторических наук **В.Н. Гарбузов** поблагодарил участников дискуссии и подвёл итоги. Это обсуждение, подчеркнул он, было плодотворным и глубоким. Сегодня Трампа вряд ли можно назвать уходящей натурой. Обсуждать деятельность администрации, которая совсем недавно пришла к власти, очень интересно, и мы с завидной регулярностью делаем это. Я не хочу повторяться, но коротко скажу о необычности, о феномене Трампа: помимо того, что мы о нём знаем, он, в отличие от многих своих предшественников, пришёл в Белый дом без программы, которая имела бы под собой какую-то теоретическую базу. Обычно программа избранного президента представляет набор задач и методов их реализации, и, особенно у республиканских кандидатов, опирается на проработки "мозговых трестов". У Трампа такого не было. Он представил американским избирателям короткий перечень наиболее серьёзных и давних проблем общества, предлагая по каждой из них радикальный, простой и быстрый способ решения. Именно эти простота и радикализм подкупили многих американцев и сыграли свою роль в победе Трампа.

Вскоре все его предвыборные предложения были распределены по шести направлениям деятельности администрации, пять из которых посвящены внутренней политике. Причем, реализация намеченных мер вряд ли приведет к немедленному результату. А если и будет какой-то эффект, то это будет эффект долгосрочный. Некоторые предложения Трампа очень привлекательны. В частности, проект ремонта всей инфраструктуры США. С аналогичным проектом в свое время выступал и Б. Обама, но потом об этом проекте все забыли, потому что он оказался неподъёмным. Будет ли реализован проект Трампа, как, впрочем, и многие другие, в следующем году или через четыре года – это большой вопрос.

Конечно, прошло всего лишь четыре месяца после инаугурации нового президента, но мы уже сейчас можем сказать, что Трамп в продвижении своих идей не использует в полной мере Конгресс. Придя к власти, президент обычно ставит перед собой задачу создать в Конгрессе базу для реализации собственной политики, сформировать президентское большинство, необходимое для продвижения своих инициатив в Конгрессе. Этого сегодня не происходит. Главными инструментами Трампа на начальном этапе деятельности администрации стали президентские указы и меморандумы. Сколь долго это продлится, и сколь долго Трамп будет игнорировать Конгресс?

Понятно, что по бюджетным вопросам этого не происходит – Конгресс серьезно корректирует его деятельность. В целом же поведение Трампа и Конгресса, начавшаяся война между ними, представляют собой бомбу замедленного действия. Обычно президент встречается с конгрессменами и сенаторами, с лидерами большинства и меньшинства обеих палат, руководителями комитетов, договаривается с ними по каждому законопроекту. Трамп, в силу необычной ситуации, не придерживается этой традиции.

Поэтому время от времени в стенах Капитолия и возникает вопрос о его импичменте. Причин и поводов для импичмента может быть великое множество – от "русского следа" до узурпации власти президентом. Поводов для претензий к президенту всегда может быть много. Но есть ли сегодня для этого критическая масса? На мой взгляд, нет. Всё будет зависеть от того, как сложатся отношения самого Трампа с Конгрессом и с прессой. Если вспомнить Р. Никсона и то, как развивался уотергейтский скандал, то многое зависело тогда от того как вела себя американская пресса. А она его не любила, и многие винят именно её в его вынужденной отставке с поста президента. Конечно, сегодня земля под ногами у Трампа "горит". Но, как и когда произойдёт что-то неблагоприятное для него, сказать пока очень и очень трудно.

Несколько слов о популизме. Зачастую политик-популист может легко прийти к власти, но удержаться в ней ему очень сложно. Чтобы это произошло такому политику необходимо измениться. Видимо, для Трампа сам процесс приспособления к сложившейся политической системе невероятно труден. Но и сама система, как мы можем видеть, не принимает Трампа. Ему надо либо стать частью этой системы, либо она его в итоге все-таки отторгнет.

Трамп сегодня все еще воспринимается многими как человек, пытающийся развернуть американский корабль на 180°, как в своё время пытался сделать Р. Рейган. Рейгану это не удалось, и он сумел скорректировать свой курс. Сможет ли Трамп сделать подобную корректировку? Ответ на этот вопрос пока остается открытым.

И последнее. В докладах и выступлениях не раз звучала тема о состоятельности двухпартийной системы США в сегодняшней политической обстановке. Может ли в США появиться третья партия? Процессы умирания и образования партий в разных странах происходят по-разному. В ряде европейских стран старые партийные системы претерпели серьезные изменения: как, например, в Италии с приходом к власти в начале 1990-х годов С. Берлускони, или недавно во Франции с приходом Э. Макрона. Рухнет ли трёхпартийная система в Германии, сложившаяся еще в послевоенные годы? Вряд ли.

Нынешняя ситуация в США показала, что партии (и Республиканская и Демократическая), для того чтобы выжить, должны измениться. Они, безусловно, нуждаются в перестройке, в реформировании - и в плане электоральной поддержки, и в плане идей, и в плане поиска лидера. Насколько партийное руководство каждой из них осознало шок и насколько этот шок станет импульсом к их реформированию? Приспособятся ли они к нынешней ситуации и современному электорату? Это еще один открытый вопрос для будущих дискуссий.

Таким образом, мы имеем дело с незавершенной, но очень интересной ситуацией, как во внутренней, так и во внешней политике США. Так что сегодня наша дискуссия заканчивается ещё большим количеством вопросов, и мы пытаемся дать на них ответы. Пока это лишь промежуточные, не окончательные, ответы. Но это значит, что начатый разговор будет продолжаться, у нас появятся новые поводы и причины собираться и обсуждать меняющуюся ситуацию в США и вокруг них.

Большое спасибо всем за плодотворную работу!

Материал подготовила
И.А. ПЕТРОВА,
старший научный сотрудник
Центра прикладных исследований ИСКРАН
(ira.pet@gmail.com)

At the Institute for the U.S. and Canadian Studies

First Steps of D. Trump Administration **(Discussion at the 2nd Session of the Arbatov Readings-2017)** (USA ❖ Canada Journal, 2017, no. 9, p. 42-56) *Received 6.06.2017.*

On May 19, 2017 at the Institute for the U.S. and Canadian Studies of RAS the 7th scientific conference called the Arbatov Readings was held. It became traditional in ISKRAN and received its name in commemoration of the

Institute founder and architect of the Russian scientific school of American studies – academician George A. Arbatov. The report of the first session of the conference dedicated to the 50th anniversary of ISKRAN was published in the previous issue of the journal (2017, no.8).

Compiled by Irina A. Petrova, Senior Reserchcher of ISKRAN
(ira.pet@gmail.com)